

Се Цюци протянул руку: «Се Цюци. Как к вам обращаться?»

«Син Чжифэй», — мужчина пожал её и протянул сигарету. — «Зови старина Син. Тоже на удочку попался?»

Се Цюци покачал головой: «Враги сдали. Вы давно здесь?»

«Год.»

«Возможности не подвернулось?»

«Один раз пробовал», — Син Чжифэй усмехнулся, откинул прядь с виска, и обнажился безобразный шрам шириной в два пальца. — «Небольшая плата.»

Се Цюци тоже улыбнулся: «Но выжил. Значит, вы им нужны.»

Син Чжифэй кивнул: «Раньше инженером был. Им для взрывов, отвода воды и обогащения руды такие нужны.»

Се Цюци с новым интересом окинул взглядом этого человека, которому на вид давали все пятьдесят. Африканское солнце сделало его кожу черной, как уголь, руки были толщиной с его собственную ногу, ступни — огромные, кожа сморщена от постоянной влаги и покрыта язвинами от укусов насекомых. Куря, он шурил маленькие глазки — точь-в-точь как опустившийся бродяга, который в самых дешёвых борделях торгуется с девками.

Не скажи он — Се Цюци ни за что не догадался бы, что перед ним инженер.

«Что? Не похож?» — Син Чжифэй, казалось, прочёл его мысли. — «Не думай, что инженер — это что-то особое. Высококвалифицированный рабочий, не более.»

Се Цюци вернулся к его словам: «Что значит «на удочку»?»

«Да сам виноват, жаден оказался», — горькая усмешка тронула губы старика. — «Знакомый, связи с семьёй Чжэн из Макао имеющий, сказал — в Африке крупный проект, зарплату в три средних предлагает. Я согласился. В макаоском аэропорту меня и оглушили, а очнулся я уже в контейнере. Эх... Жена, дети дома остались. Хоть бы разок ещё повидать.»

«Всех так заманивают?»

«Кого так, а кого, слышно, за долги продали.»

Се Цюци спросил: «И никто не сбегал?»

Син Чжифэй лишь отрицательно мотнул головой.

Они помолчали, пока старик докуривал сигарету.

«Новых партиями подвозят, — сказал он наконец. — человек по десять-двадцать. Кто помрёт, кто сляжет — быстро кончаются. Все новички одинаковые — перепуганные до смерти, вот и глупости творят. А которые могли бы выдюжить — сами себя страхом сживают.»

Се Цюци не был расположен думать о других. На нём висела не только его жизнь, но и жизнь Чжэн Кэ. Таково было последнее желание Дуань Ли.

Син Чжифэй усмехнулся, глядя на его нахмуренное лицо: «А ты занятный. Не боишься.»

Се Цюци не улыбнулся в ответ: «Боюсь, блин, до чёртиков.»

Он боялся. Боялся с того момента, как очнулся в контейнере, с той секунды, когда в квартиру ворвались вооруженные люди. Любой нормальный человек бы боялся. Как он мог не бояться? Но показывать этого он не мог. Никто не должен был знать, что ему страшно.

Чжэн Кэ мог бояться. Он — барин, ему и положено. Заплачет — его пожалеют. Золотой юноша, в такие условия угодил — разве не жалко?

Но Се Цюци — нет. У него не было права бояться, не было права плакать. У него изначально ничего не было, к тому же он беглец. Кто заставлял его смываться в Макао? Разве он не знал, чем пахнет семья Чжэн? Знал — и остался. Сам выбрал. Теперь чего бояться? Раньше надо было думать.

Хочешь и волю, и спокойную жизнь — так не бывает.

«Сожалеешь?» — спросил Син Чжифэй.

Се Цюци покачал головой: «Нет.»

Казалось, все его решения за двадцать семь лет были ошибочными — любил не тех, выбирал не ту жизнь, шёл на риск, чтобы выжить, и снова загонял себя в угол. Казалось, всё, за что он ни брался, оборачивалось провалом, любая дорога вела в тупик.

Но он всё ещё здесь. Он жив. Ещё не сломался.

Син Чжифэй хлопнул его по плечу: «Ты — другой. Я в тебя верю.»

Се Цюци кивнул, отдавая формальную дань вежливости. Ему всё равно надо было думать о побеге. Вернувшийся Чжэн Кэ, увидев незнакомца, вежливо поздоровался. Син Чжифэй улыбнулся ему и спустился обратно к реке.

«Кто это? Почему не представился? О чём говорили?» — посыпались вопросы.

Се Цюци ответил вопросом на вопрос: «До вечера продержишься?»

Лицо Чжэн Кэ было землистым. Он готов был упасть и заснуть на месте, не то что работать.

«Здесь нам, видимо, придётся задержаться, — серьёзно сказал Се Цюци. — Ты должен продержаться. Чжэн Кэ, если веришь мне — я найду выход. Но пока что пообещай: держись. Не сдавайся.»

Чжэн Кэ стиснул зубы: «Верю.»

Се Цюци ответил усталой улыбкой: «Ладно, отдыхай ещё.»

Сам же он отряхнул брюки и направился помогать старым шахтёрам чистить промывочный лоток. Они копались уже полдня, а ни одного стоящего камня так и не нашли. Се Цюци начал сомневаться, есть ли здесь алмазы вообще.

После обеда часть шахтёров отправили чистить скальное ложе русла. Алмазы, будучи тяжёлыми, часто застревают в трещинах и выбоинах породы. Когда песок и ил смыли, началась

тонкая зачистка.

Опытные старатели находили камни с такой сноровкой, что любой механической щётке или пылесосу было далеко до них. С лопатой в одной руке и щёткой в другой они методично прочёсывали каждый сантиметр.

Часовые неотступно следовали за ними, следя за каждым движением. Если шахтёр находил алмаз и пытался его утаить — расстрел на месте без разговоров. Побег здесь был не самой страшной провинностью, а вот воровство камней не прощали никому.

Когда жара пошла на убыль, у скального выступа раздался возглас.

Один из стариков-шахтёров поднял с лопаты сверкающий камень и высоко взметнул руку —

Это был добротный неогранённый алмаз, без изъянов, солидного размера, грамм на три, не меньше. На солнце он играл всеми цветами радуги — причудливо, волшебным, словно в его глубине таился иной мир, где все носят красивые одежды, пьют, поют и живут в своём удовольствии.

Новички замерли, замороженные. Кто-то невольно шагнул вперёд, чтобы рассмотреть поближе, но солдат выстрелил у него под ногами, и все остолбенели от страха. Старый шахтёр торжествующе взобрался на берег и протянул камень Овчарке.

Тот сначала приложил к камню масляную бумагу, затем проверил его лучей специальной ручки-детектора и бросил в металлическую банку.

Чжэн Кэ стоял неподалёку и, хоть и мельком, но разглядел камень. Это придало ему азарта.

«Я тоже такой найду, — с горящими глазами сказал он, подмигнув Се Цюци. — Тогда и разбогатеем!»

Парень, похоже, тронулся умом. Но Се Цюци не стал его разубеждать. Энтузиазм, в конце концов, — не худшее из зол.

Следующую неделю новички коротали, поочерёдно сваливаясь от болезней.

Грязь в воде и еде вызвала эпидемию поноса и лихорадки. Кого-то рвало и крутило всю ночь. В бомбоубежище туалетов не было — все отправляли нужду прямо на месте, и в помещении стоял стойкий запах экскрементов и рвоты.

Кто-то к утру слег с такой температурой, что не мог подняться. Солдаты выдавали таблетки размером с большой палец — жаропонижающие и закрепляющие. Но они помогали не всем. Некоторые теряли сознание прямо в реке.

Чжэн Кэ оказался в первых рядах заболевших — его изнеженный желудок не выдержал африканской воды. Се Цюци опасался, что дело дойдёт до лихорадки, но барин каким-то чудом переборол недуг за ночь и на следующий день уже снова работал. Он худел на глазах, щёки ввалились, говорил всё меньше, а по возвращении в барак часто просто сидел, уставясь в стену, или спал.